

Искусство историки, или Сочинение о природе историки и истории, с рекомендациями, как писать историю, — общие размышления

Фоссий Г. Й.

Аннотация: В двадцатой главе Фоссий ищет основную сюжетную линию, которая может стать определяющей для хода событий в целом. Для этого он обращается к произведениям отдельных античных авторов. Данный подход послужит в дальнейшем для создания философской герменевтики.

Ключевые слова: сплетение, красноречие, частности, происходящее, свершившееся, ответственность.

Глава двадцатая

О собирании [исторических данных], противоречащих данным, приведенным Франческо Патрици и Паоло Белли, которые опирались не на отдельные примеры, но в целом на греческих авторов, в том числе Геродота, Фукидида, Ксенофонта. [Из анализа этих данных] следует, что в восьмом томе сочинений Фукидида такого сплетения вовсе нет. Дионисий также в своей «Риторике» отвергает, что история создается сплетением, либо это таковым не воспринимается, [скорее] он следует первым римским историкам, которые перечисляли все подряд. Защита Диодора Сицилийского от Бодена¹. Диодор описывает, как собираются отдельные факты.

Итак, обратимся к сплетению (сцеплению) отдельных свидетельств. В первую очередь отринем многожды занимавший нас вопрос, что есть частности, из которых складывается история. Нет ничего такого, что не могло бы быть впоследствии отвергнуто, и многое из данного времени тоже оседает в высказываниях. Об этом говорится в книге «Истории» Франческо Патрици; у Паоло Белли в его исторических сочинениях, в возражениях Барта², кн. 60, и особенно в комментариях к кн. 1 гл. 5 «Града Божьего» Августина: «Нет иного, более яркого применения красноречия в истории — подобная действенность красноречия несомненна. Я хотел бы здесь поставить вопрос, насколько малым может быть событие, чтобы оно вообще было замечено как нечто такое, чтобы его можно было включить в известный нам ряд

¹ Жан Боден (фр. Jean Bodin; 1529 или 1530, Анже — 1596, Лан) — французский политик, философ, экономист, юрист, член парламента Парижа и профессор права в Тулузе.

² Не удалось выяснить, о ком речь (прим. пер.)

исчисленных событий. Эти предположения вовсе не претендуют на всеобщность. Многое показал здесь Убертус Фолиета³ после Себастиана Маккио. И я в первую очередь буду стремиться к тому, чтобы с этим соотнестись.

Есть и противоположные суждения, гласящие, что красноречие, если оно по существу касается истории, несовместимо с истиной. И, выстраивая эту линию доказательств, часто в общем говорится не о том, что первоначально объявлялось. У Ливия согласно Сципиону, у Фабия — о римлянах в целом, в том числе о сабинянках, о родителях Горация, Брута, Камилла и обо всех, кто был убит в эпоху Августа за свои речи. Предки при точном воспроизведении рассказов выглядят вовсе не безупречными, их поступки не соответствуют их речам.

Прежняя историка, обращаясь к общепризнанным историческим связям, строилась на взаимных соглашениях о суждениях. Никто не отрицает, что речи Ветурия и Волумния, Кориолана, которые впервые представлены Дионисием Галикарнасским («Римские древности». Т. 8, с. 521), воспроизведены у Ливия (т. 2) и у Плутарха в его «Кориолане». Речь идет о высказанных суждениях, в том числе поэтических, о народах, как это описано в различных версиях «Одиссеи» Эсхила, Софокла, Эврипида. Тот, кто представляет себе душу природы, полагает, что способный человек склонен к разумному поведению. Что-то подобное говорит Аристотель в своей «Поэтике», где различает поэзию и историю как отдельные благородные занятия, которые происходят из описания всеобщего в принимаемые философами. Конечно, при этом внимание обращается не на то, что излагается фактически, но на то, как слова и дела соотносятся в юдоли человеческой и кто, собственно, описывает.

Собственно, утверждая нечто, красноречие реализует новое в мироустройстве. Раймонд Луллий определяет это в т. 5 гл. 4 своих речей, ссылаясь на подобные определения поэзии и рассказа у Ливия.

Но это лишь то, что лежит на поверхности. И важны слова как таковые, но достоверность того, что происходит, и этого довольно, если положение вещей представлено достоверно. Чем больше историка будет при изложении отклоняться от основной линии происходящего, тем больше она будет неточной. Здесь вовсе не обязательно рассказывать, что свершилось, — многое из изложенного все равно избыточно, на самом деле мы собираем то, что недавно узрели в произошедшем, и о чем нужно сказать, но так, чтобы эти частности наверняка соответствовали истине. Нет, конечно, если историк выступает только в качестве оратора и говорит только о том, что замечает, то определяется стиль изложения, который предстает как нечто иное, но факты сами по себе важны. Не так уже далека история от красноречия, если под историей понимается рассказ об истории, то да, недалеко, но история — не красноречие, у нее другой предмет! Чтобы это не влияло на отношение части и целого в ней. Также и поэзия, и то, что она конкретно подразумевает.

К этому добавим, что надо избегать всего отвращающего от истории, чтобы найти общую связь с целым, так как в целом выдающиеся высказывания, очевидно, направлены на поиск этой общей связи событий. У Дионисия Галикарнасского в кн. 7 [«Римских древностей»], там, где

³ См.: Folietta Ubertus Opuscula Nonnulla Quorum Index Est In Versa Pagina Ad Ptolemaeum (1574) (Latin Edition). Kessinger Publishing, LLC, 2010. Убертус Фолиета (1518–1581) – итальянский историк. – *Прим. ред.*

речь идет о мятеже плебса против сената, можно увидеть много подобных догадок, описаний, конкретных причин столкновений, проистекающих из природных и иных предпосылок, в итоге приведших к победам, — и при этом вовсе не упоминаются предшествующие им речи и попутно высказанные обстоятельства дела, как бы удивительны они ни были.

И не только на разумных началах зиждятся подобные суждения, но и на авторитете чуть ли не любого обращения к древности. Еще не упоминалось, что Лукиан расценивает историку как вид риторики. Туллий во Второй своей книге [«Об ораторе»] рассуждает устами Антония: быть максимально красноречивым, когда пишется история. И таких примеров определения историки можно привести много. В этом предпочтительность свободного обращения к наследию предков у Геродота, когда он описывает самые древние свидетельства как наиболее красноречивые. Таковы речи Санданиса Лидийца⁴, отговаривающего Креза от войны с Каппадокией, Кира, подстрекавшего послов массагетов уйти из Персидской империи, советы Креза, чего Киру можно ожидать от массагетов, — именно их он опасался. То же мы видим в книге 3, где Периандр, правя коринфянами, переселяет дочь во фратрию Ликофрона, чтобы защитить ее от керкирских коринфян. Еще раньше речи Камбиза, признавшего своего брата Смердия и быстрое возрастание могущества его друзей, мидийцев по происхождению, захвативших управление государством Дария, подстрекавшего шестерых знатнейших персов убить Смердия, когда тот достигнет совершеннолетия; также Отаний писал про народное управление, Мегабузий — про правильное государство, Дарий — о едином властителе, Меандр — о сопротивлении Поликрату, самосскому тирану, и возвращении народу свободы. Вариантами этого жанра являются четыре книги речей Коиса Митиленского, скифа по происхождению, с целью поставить его управлять Скифским царством. Пятая же книга относится к тирании Аристагора Милезия над лакедемонянами, Сосию Коринфскому, Истру; книга шестая посвящена персам, Дионисию — правителю Фокеи, жителям Левкры и Мильтиады; книга седьмая относится к Ксерксу и его давним замыслам войны с греками; Мардонию, давно предлагавшему поход против греков, Артабану, отговорившему его от этого, — и много всего разного о Ксерксе и Артабане, и также о Демарате. Книга восьмая повествует обо всем ином — об Александре Македонском и правлении Ксеркса, приглашенного афинянами, которые в дальнейшем утверждали, что персидское общество мерзко; и о лакедемонянах, напомнивших о том, что дело не в них, а в защите греков в целом, в дальнейшем они отказались от этого; кроме того, Александр поехал с послами в Персию; <...> такой же способ собирания сведений, как у Геродота, Марцелл⁵ находит в жизнеописании Фукидида, где в немногих словах и рассказах изложено об отдельных личностях то, что в итоге вошло в нить повествования. О тщательности этого собирания и его законченности пишет Фукидид — и это воспроизводит Марцелл, излагая спор между ораторами Керкиры и Коринфа, обсуждавшими те же вопросы, что позже афиняне. Таким же образом пелопоннесцы обращались к афинянам, когда утверждали, что керкиряне правильно отказались от войны

⁴ Современник Симпликия Киликийского, родился в Лидии, вероятно, в конце V века.

⁵ Марк Клаудий Марцелл (лат. Marcus Claudius Marcellus; убит в мае 45 года до н. э., Пирей, Ахайя) — римский политический деятель и оратор из плебейской ветви рода Клавдиев, консул в 51 г. до н. э.

с коринфянами, вовсе не заявляя о своей неприязни к пелопоннесцам; так же поступали афиняне, отвечая пелопоннесцам. Так же и коринфяне, которые отвернулись от лакедемонян только для того, чтобы объявить войну афинянам; Афиняне, ответившие керкирцам; Архидам, спартанский правитель, советовавший лакедемонянам не использовать сетований мегарцев, коринфян и других для того, чтобы ввязаться в войну с афинянами без того, чтобы предварительно не попытаться все уладить; и Сфемий, совместно с другими высшими чинами Спарты выступивший против того решения о войне с афинянами. Сверх того, были другие коринфяне, которые подвигали лакедемонян на скорейшее вступление в войну; тот же Перикл советовал афинянам быть осторожными, чтобы хотя бы удостовериться направления возможных властных притязаний лакедемонян. В этом же ключе написаны шесть остальных томов. Исключение составляет только восьмой том, где высказано наиболее общее суждение Кратиппа об отцеубийстве (согласно Дионисию Галикарнасскому, это Заключение «Истории Фукидида об Элии Тубероне»). Фукидид полагает, что красноречие в историческом изложении не только может внести неясность, но и быть тягостным для слушателей. Упоминается и суждение Фукидида: «Никогда для истории в целом красноречие не было ведущим, но скорее дополняющим — разве что у ионийцев, и из соседей у афинян случалось собирание красноречивых высказываний». Но тем самым Кратипп, как и Дионисий Галикарнасский, полагает, что неумеренное применение красноречия создает ненужные темноты и только отягощает слух прежних слушателей; и само по себе оно не ведёт к истине; и исходя из этого Фукидид в последней своей книге вовсе отрицает ценность собирания сведений как таковых, поскольку они судят о вещах по тому, что было привнесено в тот нужный момент, а не по тому, что было известно ранее. Они порождают не суждение, но бессилие, ведущее к недугу (т. 8); о том, что все неясные деяния благополучно завершились, можно прочесть у Марцелла (кн. 9).

Многое из того, что создал Фукидид, поставлено под сомнение. Возьмем, например, Ксенофонта, который в сочинении о Кире суммирует поучительные варианты связей, проявляющихся неоднократно об Ассирийском царстве, а также о Ксерксе, Камбизе, и в целом множество подробностей. События, способствовавшие расширению империй, здесь прослежены, начиная с рождения (Заключение книги 7) и до гибели (в книге 8) сыновей Камбиза и Таоксаремы, в это же время их роды сближаются. И не только из этих рассказов черпаются аргументы, но и из книг, посвященных походам Кира, — они во многом воспроизводятся в речах Клеарха, Тиссаферния, Гекатония. Так, эта война, по описанию Тиссаферния, велась при согласии воинов и с большим воодушевлением (кн. 3 о походах Кира). В Сеуте воинам должны были выплатить жалование, но это иной сюжет. На Крите Ферамен был обвинен в предательстве, будучи невиновным; рассказывается, как Ферамен на это ответил (кн. 2); рассказывается и то, как гражданам Сеуты объявили о военной помощи. А также приводятся речи Калликратида, Эвриптолема, Фразибула, Клеокрита и многих других.

Полибий вообще воздерживается от простого собирания сведений, справедливо обосновывая это тем, что такое собирание утяжеляет нить изложения всем, кто попадает под руку рассказчику. А таких подробностей вовсе немало, как побочных, так и имеющих отношение к истине. Привходящим является, например, то, что Ганнибал, переправившись через Альпы, все свои старания направил на довооружение, не упуская для этого ни одной

возможности (кн. 3). Таковым дополнительным обстоятельством является ободряющая речь Корнелия перед воинами, исключенная из речей Ганнибала. В том же смысле Агелай ободряет Навпакция во время правления (кн. 5). Ганнибал выиграл первую свою битву при Каннах (кн. 3). Также речь о Кленее Этолийском, происходившем из лакедемонских законников (кн. 9), упоминаемом у Филиппа, предке Персея. Речи Лициска Акарнания, происходящего из лакедемонских законников, который защищает Филиппа как македонского царя против Кления, подвигая спартанцев к согласию и сотрудничеству с греками в целом, чтобы противостоять возвышению римлян. Он также обращается к этолийцам от имени всей Греции и увещевает их прекратить войну с Филиппом и остерегаться римлян ради защиты остатков греческих свобод и их безопасности. И Пруссий, сын Птолемея Филопатора, отдавая должное предкам, препоручает себя народу. Квинктий был воодушевлен войной и обороной крепостей против Филиппа (кн. 17). Во многом был прав и Эмилий (кн. 3) в своем ежедневном воодушевлении, и Ганнибал, ведущий первую битву при Каннах (там же), и Сципион перед взбунтовавшимся войском, и Ганнибал, отозванный в Африку, находящийся в положении, подобном Сципиону. Сципион, при последнем правлении Эвмена, дарует свободы азиатским городам.

Иначе относится к сбору сведений Дионисий Галикарнасский. Из его «Римских древностей» можно увидеть, как меняется характер суждений. Он приводит сотни речей, отвергая связь, о которой Кратипп говорил ранее. И, несомненно, правильно пишет Маккио в сочинении об истории (кн. 2, гл. 28): «Дионисий предпочитает оснащаться подробностями; отводит на второй план благодаря красноречию все косвенное. Действительно, глядя на характер полемики, используемой Дионисием, менее всего можно подумать, что в молодости он издавал книги по риторике, впоследствии же появилась история в целом. В «Истории» Фукидида ставится под сомнение сбор фактов как таковой, когда приходится либо довольствоваться доминированием главных событий, либо не множить подробности.

Такова и мысль Диодора Сицилийского, и это упустил в своей критике его исторического метода Боден («Метод легкого познания истории»), выстраивая пространные суждения об истории и не учитывая значимость утверждений Диодора. Диодор осуждает тех, кто повторяется в пространных рассуждениях об истории. Если встать на этот путь, то историческое изложение постоянно будет нуждаться в добавлениях как активном элементе — и вновь обнаруженные частности в дальнейшем могут стать новым основанием. Если частности множатся, то их красочное оформление от этого не убавляется. «Можно было бы вполне справедливо, — пишет он, — осуждать тех, кто в своих историях вставляет очень длинные выступления или злоупотребляет частыми речами, ибо они не только разрывают непрерывность повествования несвоевременным включением речей, но и прерывают интерес тех, кто с нетерпением спешит к полному знанию событий. Но, несомненно, это возможность для тех, кто желает показать риторическое мастерство самостоятельным составлением публичных обсуждений и речей для послов, также хвалебных и порицающих выступлений и тому подобным; ибо, признавая классификацию литературных типов и разрабатывая каждый из двух сам по себе, они могли бы резонно ожидать заработать известность в обеих областях деятельности. Но, как это бывает, некоторые авторы в результате чрезмерного употребления риторических пассажей сделали целиком искусство истории придатком ораторского искусства.

Не только те, что плохо составлены, вызывают досаду, но и те, что, как кажется, попадают в цель, в других отношениях еще дальше отклоняются от темы, и случаи, которые относятся к особому типу. Таким образом, даже те, кто читает такие труды, некоторые пропускают речи, хотя они выглядят вполне удачными, а другие, утомленные духом, из-за многословий историка и отсутствия вкуса, отказываются от чтения полностью; и такое отношение не без причины, ибо дух истории прост и непротиворечив, и, в целом, подобен живому организму. Если он искажается, он лишается своего жизненного очарования, но если он удерживает свое необходимое единство, он должным образом сохраняется, и вследствие гармонии всей композиции делает чтение приятным и ясным.

Тем не менее, не одобряя риторические речи, мы не запрещаем их полностью в исторических трудах; ибо, поскольку история нуждается в различных украшениях, в некоторых местах необходимо призвать на помощь даже такие пассажи — и этой возможности я не хотел бы лишать себя, — так что, когда обстановка требует либо общественного выступления посла, либо государственного деятеля, либо некоторые такого рода вещи от других персонажей, кто не осмелится вступить в словесное состязание, должен сам быть порицаем. Для одного можно было бы найти немалое число причин, по которым во многих случаях помощь риторики необходимо принять; ибо, когда многие вещи сказаны хорошо и указаны, не стоит с презрением обходить молчанием, что достойно памяти и обладает пользой, не чуждой истории, и когда предмет обсуждения является великим и славным, должно позволить языку проявиться в подчиненных ему делах; и есть моменты, когда события оборачиваются вопреки ожиданиям, мы будем вынуждены использовать слова, подходящие к теме, с тем чтобы объяснить кажущийся парадокс»⁶. Остановимся на этом. Как уже отмечалось, Диодор нейтрально относится к пространственным речам историков.

С Диодором мы завершили. Теперь уместно обратиться к книге Филона о его посольстве и к его речи о том, что наиболее уважаемые евреи во времена правления Петрония преклонили колени при закладке основания храма Калигулы. К той же теме относится обширное письмо Агриппы к Каю о происхождении евреев.

У Иосифа [Флавия] мы также часто находим подобные сведения. В кн. 2 «Иудейской войны» есть речь Агриппы, где он отговаривает евреев от войны с римлянами. В кн. 3 — речь Иосифа, уговаривающего собравшихся не накладывать на себя руки. В кн. 7 — речь Тита, обращенная к евреям, обвиняющим его в неуступчивости. И особняком стоит кн. 16 — история Александра, сына Ирода, который оправдывался от наветов, возведенных на него братом Антипатром.

Арриан⁷ же, следуя Ксенофону, являет пример чистого подражания. Так, в кн. 2 он упоминает речь Александра перед воинами, перед сражением у Иссы — она двусмысленна. Прямые же сведения обращают внимание на то, сколько человек было задействовано при взятии Тира и в иных предшествовавших войнах. В кн. 3 лишь между прочим сообщается, что именно

⁶ Дидодор Сицилийский. 20.1–18. Ливийский поход Агафокла // Историческая библиотека. URL: <http://simposium.ru/ru/node/1089> (дата обращения: 10.06.2023).

⁷ Флавий Арриан (лат. Lucius Flavius Arrianus, др.-греч. Ἀρριανός, ок. 86 — ок. 160 года н. э.) — древнегреческий историк и географ, занимал ряд высших должностей в Римской империи.

произошло при битве у Арбеллы. Прямо это дано в кн. 4, где Каллисфен возражает Анаксарху, восхищающемуся Александром. Так же прямо это высказано в кн. 5, где Акафий, правитель Ниссы, сдерживается Александром. Это также речи Александра Великого к отколовшимся македонцам, которые угрожали дезертирством, если он не отпустит их в надлежащий срок. К тому же относятся речи Коэна, сына Полемократа, предводителя ветеранов, который просит Александра добровольно отпустить их домой. В кн. 7 есть обращение Александра к македонским бунтовщикам, освобождающимся от присяги, ими данной. Об этом также свидетельствуют речи Каллния, охранявшего Александра от македонян.

В добавление к этому надо упомянуть и Аппиана Александрийского⁸, далекого от всех изоцренностей и по достоинству оцениваемого великим, который смог уберечь нас от немалых потерь в своих пересказах [исторических] описаний⁹. В этом же смысле важны речи пунийцев, карфагенских законников, обращенные к римским консулам, ведущим мирные переговоры. Так же и Ганоний Гиллий попытался убедить римлян не уничтожать карфагенян. Существенно и то, как Цензорин ответил на слова Гиллия. Кн. 2 «О гражданской войне», где Брут обращается к народу с защитой Цезаря. В кн. 3 к этому много сходных высказываний добавляется у Октавиана к Антонию о необходимости найти Цезаря, и что надо для этого предпринять. Сходным образом действовал Цицерон в сенате, который воспрепятствовал попыткам трибуна Сальвия присудить Антонию меньший срок изгнания.

Обратимся к Диону Кассию. У него в кн. 44 «Истории Рима» собраны речи Цицерона в сенате, где тот призывает предать вечному забвению ошибки, которые частично уже сами исчезли, к чему стремились многие, надгробная речь Марка Антония на могиле Цезаря, восхваляющая его, и речь Цицерона против Антония в том же сенате (т. 44). И вдобавок обличение Фузия Каления, которому Цицерон отвечает по поводу Антония. В кн. 1 представлены собственные речи Антония и Октавиана Цезаря о войне. В кн. 52 Агриппа увещевает Цезаря сохранить принципат, который, как прочная власть, устраивает римскую армию, провинции и народ в целом; есть и рассказ о Меценате, призывавшем сохранить принципат. В кн. 54 — речь Августа, в которой он объявляет о сохранении власти в общих чертах. В кн. 56 — его же речь, восхваляющая супругов и брак в целом; но с другой стороны, поклонники разных богов преследуют друг друга. Далее — речь Тиберия на похоронах Августа.

Не прошел мимо пространных речей и Геродиан. Об этом есть его кн. 1 — речи императора Марка Антония, обращенные к друзьям и рекомендованные сыновьям. Речи Коммода к воинам, где он призывает приветствовать его как императора; Помпей отговаривал Комода от сосредоточения римлян на берегу Истра; речи Фадилла к брату Коммода о возбуждении мятежа Клеандра. В кн. 2 — речи префекта Лаэта¹⁰, чьими войсками был

⁸ Аппиан Александрийский (др.-греч. Ἀππιανὸς Ἀλεξανδρεὺς; родился около 95 года, Александрия, Египет, Римская империя — умер после 170 года, Рим, Римская империя) — древнеримский историк греческого происхождения, писавший по-гречески.

⁹ Scaliger Joseph Justus. The Thesaurus of Time, Including the Chronicle of Eusebius Pamphilus. 1609. P. 163.

¹⁰ Квинт Маеций Лет был римским политиком, сенатором и префектом преторианцев. URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Quintus_Maecius_Laetus (дата обращения: 10.06.2023).

умерщвлен Коммод¹¹; Пертинакса милостиво освободили от самообвинения и отречения, речь Нигри, обращенная к воинам, которая наставляет души на путь познания, что́ есть империя; речи Александра Севера перед воинами о том, что необходимо спасти Римскую Империю; и более простая его речь о посвящении себя Империи. Сходны с этим и книги о правлении, перед воинами Пеонии, с речами Севера, Каракаллы, Макрина, императоров Максимиана и Максима.

Подобное говорил и Прокопий, и множество других авторов, римлян и варваров. Из большинства приведенных нами примеров многие достоверны. Велизарий должен был завоевать западную Римскую Империю, наступая с юга. Греческая историка в конечном счете точнее в описании.

Ars historica sive de historiae et historices natura historiaeque scribende praeceptis commentatio

Vossii G. J.

Abstract: After the nineteenth chapter, where some remarkable phenomena are presented, in the twentieth chapter the author is looking for the main storyline that can become decisive for the course of events as a whole. To do this, he turns to the works of individual ancient authors. This approach will serve in the future to create philosophical hermeneutics.

Keywords: plexus, eloquentia, particularia, quid agatur, quid accidit, responsibility.

Перевод с латинского Лаврентьева Всеволода Серафимовича: lavrsv4@gmail.com.

¹¹ Луций Элий Аврелий Кооммод (лат. Lucius Aelius Aurelius Commodus; 31 августа 161, Ланувий — 31 декабря 192, Рим) — римский император (Imperator Caesar Lucius Aelius Aurelius Commodus Antoninus Augustus, с 17 марта 180 г.; в начале правления — Lucius Aelius Aurelius Commodus, до осени 180 г. — Lucius Aurelius Commodus Caesar, в 180—190 гг. — Marcus Aurelius Commodus Antoninus Augustus, с 191 г. — Lucius Aelius Aurelius Commodus Augustus), последний представитель династии Антонинов.